

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

А. М. Ломов

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 декабря 2012 г.

Аннотация: статья посвящена типологии нарицательных имен, основанной на механизмах их образования в процессе языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, имена собственные, имена нарицательные, семантические трансформации, частеречные характеристики нарицательных имен, гибридные слова.

Abstract: the article is devoted to the typology of common names based on mechanisms of their transformation from proper names in the process of language play.

Key words: language play, proper names, common names, semantic transformations, common names parts of speech characteristics, hybrid words.

Собственные имена, или онимы, как известно, представляют собой слова, словосочетания или предложения, которые используются в языках мира для выделения, идентификации, индивидуализации ими объектов. В русской лингвистике эти имена изучаются давно. Они освоены с достаточной полнотой и подразделяются на разряды: *антропонимы* (имена людей), *топонимы* (имена географических объектов), *теонимы* (имена божеств), *зоонимы* (имена и клички животных), *астронимы* (имена небесных тел), *фитонимы* (имена растений), *хрононимы* (имена временных отрезков, в рамках которых происходили те или иные события), *идеонимы* (имена объектов духовной культуры), *хрематонимы* (имена объектов материальной культуры). Иногда выделяют и некоторые другие разряды собственных имен – преимущественно индивидуально-авторские.

С онимами связана целая серия научных проблем, из которых едва ли не первое место занимает проблема перехода имен собственных в имена нарицательные (апеллятивы). Такого рода номинации, подвергшиеся апеллятивизации, сродни «говорящим именам»/«говорящим фамилиям» типа Угрюмов, Бурчалов и т.п., которые, как пишет Г. Ф. Ковалев, отражают «или характер героя, или его место в системе персонажей, или ономастические вкусы писателя <...> В частности, Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» с едкой иронией писал о роли придуманных им же имен полководцев *Колбасореца* и *Сосискокротса*, предугадывая и предсказывая победу по их именам» [1, с. 279]. Однако, в отличие от «говорящих имен», которые содержат проекцию непосредственно на реаль-

ные свойства объекта, нарицательные имена, происшедшие из собственных, ориентированы на известный литературный персонаж или реальное лицо, в чьем облике или поступках проявляются общие черты с описываемым лицом, т.е. проекция на реальные свойства у них носит опосредованный характер. Например: «В который уже раз в русской истории быстрые *Чацкие* вдруг вытесняют «правильным курсом идущих товарищей» *молчалиных*, *дуболобов-скалозубов* и самих *Фамусовых*» [2, с. 227].

Подобные языковые явления по-разному рассматривались отечественными учеными. Еще А. А. Потебня относил гоголевских Собакевичей и Маниловых к понятиям, *руководящим нашими мнениями* [3, с. 139]. О *прототипической природе* имен литературных героев говорил А. А. Реформатский [4, с. 39]. В свете *парадоксов идентификации* по-своему трактовали их Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев: «Высказывания вида А есть В – имена двух разных объектов, полностью аномальны с точки зрения логики и здравого смысла. Потому они всегда переосмысливаются. Обычно переосмысливание состоит в том, что В понимается *метафорически* и означает уже не объект А, а свойство объекта А быть в определенном отношении похожим на В». Когда чеховская героиня заявляет: «Мой муж Отелло», ни в коем случае не имеется в виду, что она замужем за шекспировским мавром: женщина просто указывает на то, что ее муж так же ревнив, как Отелло» [5, с. 503]. С *когнитивной платформы* подходил к таким именам Ю. А. Рылов, писавший: «Некоторые из ... имен, превращаясь в имена нарицательные, становятся яркими *лингвокультурными концептами*: Плюшкин – это образец

болезненно скупого человека, Иудушка – выродок, для которого не существует ничего святого, Сусанин – ироническое обозначение проводника, а Печкин – почтальона ...» [6, с. 20]. *Через призму гротеска и буффонады* бросал взгляд на «говорящие фамилии» крупнейший представитель русского литературного авангарда Д. Хармс. В его рассказе «Однажды Петя Гвоздииков...» говорится о страдающем от безделья мальчике (а может, и не мальчике), который, наконец, находит применение найденным гвоздикам, перебрал все возможные, самые нелепые, варианты их использования. И все это потому, что он – Петя Гвоздииков [7].

Однако указанные семантические трансформации, основанные на ассоциации по сходству, обычно сохраняют частеречную характеристику производящего слова и остаются в рамках того же частеречного разряда. Гораздо реже производное слово деформирует формальную оболочку производящего слова и, собственно, свою содержательную характеристику: *эпикурейство* (от *Эпикур*), *донкихотствовать* (от *Дон Кихот*), *гиббельс* (от *Геббельс*) и т. п. Исследователи давно уже заметили это явление, однако пока ограничиваются лишь его констатацией [8, с. 115].

Но именно эти случаи интересны как проявление языковой игры, что заметил Л. Витгенштейн: «А есть и такая языковая игра: изобретать имя для чего-то .... При этом одновременно поразмысли, сколь своеобразно употребление личного имени, которым мы зовем именованного!» [9, с. 90]. Именно они рассматриваются в настоящей статье.

Сведенные воедино относящиеся сюда феномены распадаются на два типа — в зависимости от того, какой механизм лежит в основе их образования. Первый тип представлен случаями, когда «игровое слово» осложняет корень производящего собственного имени суффиксами и в итоге перестает быть собственным: *фамусовщина* (от *Фамусов*), *маниловский* (от *Манилов*) и т. п. В соответствии с функцией данных суффиксов производные имена этого типа образуют, в свою очередь, две разновидности. В первую разновидность входят производные слова, у которых суффикс сохраняет частеречную характеристику существительного, но изменяет его разряд: оно служит уже наименованием не лица или конкретного предмета, а свойства, способа совершения действия и т. д. Соответственно, в формальном облике слова (производного) возникают весьма существенные изменения, но оно (слово), как уже говорилось выше, не перестает быть существительным.

Так, слово *маниловщина*, образованное от имени известного персонажа Н. В. Гоголя *Манилов*, не имеет этот персонаж, а является названием мечтательно-бездеятельного отношения к окружающему.

Аналогичным образом слово *макаровщина*, появившееся в критической публикации о ведущем телевизионного ток-шоу «Свобода и справедливость» юристе Андрее *Макарове* имеет значение «тенденциозный настрой передачи», а не является персональной «меткой» самого ведущего.

Очень часто производные номинации этого разряда нацелены на создание юмористического эффекта или, в крайнем случае, служат для выражения критического отношения к именуемому. Однако это не общее правило. Имеются примеры производных имен, которые несут исключительно положительные коннотации: *Пушкиниана* (производное от *Пушкин*), *Щедриниана*, содержащее аллюзию к творчеству известного композитора Родиона *Щедрин*, и др.

Заканчивая рассмотрение этой разновидности «игровых слов», сделаем две оговорки. Во-первых, эти номинации, как правило, остаются на уровне индивидуального словоупотребления, однако в редких случаях (ср. слово *маниловщина*) они попадают в словари, т. е. становятся общеупотребительными. Во-вторых, как уже говорилось, приобретая суффикс, собственно имя перемещается в разряд нарицательных имен. Этому правилу противоречат производные слова типа *Пушкиниана* – пишется (заметим: нерегулярно) с прописной буквы. Но это написание не нормативно, оно продиктовано стремлением осмыслить как оным название целой серии работ, посвященных данной тематике.

Ко второй разновидности номинации этого типа относятся слова, у которых суффиксы предполагают изменения частеречной характеристики производящего слова (имени собственного) и перевод его в глагол или прилагательное. Всем известны пушкинские строки: «Я влюблен, я очарован./Словом, я *огончарован*». Реализованное в их составе страдательное причастие *огончарован*, образованное от фамилии его избранницы Наталии Николаевны *Гончаровой*, информирует читателя не с только о красоте и шарме невесты автора, сколько о том, какое впечатление произвели на А. С. Пушкина ее достоинства; также содержит производную номинацию второй разновидности и шутивное стихотворение лицейского периода:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно.
Там было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

Номинация *кюхельбекерно*, возникшая на основе имени лицейского друга А. С. Пушкина Вильгельма Кюхельбекера, сообщает о состоянии поэта, измученного высокопарной болтовней Кюхли (равно как и последствиями неумеренного приема пищи).

К такого рода переходу собственных имен в другие части речи прибегают и наши современники. Так,

писателю-сатирику М. Задорнову принадлежит юмористическая сентенция: «Умом Россию не понять, а Украину не *окучмить*». Содержание новообразования *окучмить*, употребленного в его составе, становится понятно при его соотнесении с именем экс-президента братской страны Л. Кучмы, породившего политику неблагоприятного отношения к России. В Материалах по русскому языку (2007 г.) отмечены такие производные слова, как *муссолинить* (от *Муссолини*) и *иудит* (от *Иуда*).

Производные номинации второго типа резко отличаются от номинаций первого типа, уже рассмотренных выше. Это, по определению В. М. Костюкова, гибридные слова [10]. Они образуются на основе какого-либо известного онима, формальная оболочка которого деформируется за счет ввода в нее нарицательного имени (или звуко сочетания, намекающего на это имя), и в результате содержание онима видоизменяется, хотя он продолжает сохраняться в составе собственных имен. Компоненты таких производных слов контрастны по смыслу или стилю, их столкновение сообщает слову сниженный характер и служит средством выражения (оставаясь на уровне индивидуального словоупотребления) иронии, юмора и сатиры.

Содержание гибридных слов организовано по одной модели, которая предполагает обогащение смысла производящего онима за счет признака, сообщаемого вторым (нарицательным) компонентом гибридного слова. Например, в «Сказке о тройке» братьев А. и Б. Стругацких реализован выдуманный ими топоним *Тъмускорпионь*, восходящий к реальному топониму *Тьмутаракань*. Он сохраняет основную сему топонима *Тьмутаракань* – «уединенное от метрополии место», но добавляет еще сему «опасный», поскольку скорпион намного опаснее таракана. Аналогичным образом обстоит дело с прозвучавшим в телевизионной передаче «Своя игра» прозвищем выдающегося советского кинорежиссера С. А. Герасимова *Акуллинарьевич*. Оно было создано от его отчества *Аполлинарьевич* и второго компонента гибридного слова *кулинар* (режиссер умел прекрасно готовить). Сравним поэтому по поводу замечание А. Солженицына о том, что прокурора эпохи массовых репрессий Андрея *Януарьевича* Вышинского было бы правильнее именовать *Ягуарьевич*.

Следует заметить, что содержательная модель, лежащая в основании собственных гибридных имен, действительна и для тех случаев, когда базисной основой служит нарицательное имя. Но в этих случаях производное слово, независимо от того, является ли второй компонент нарицательным или собственным, оказывается нарицательным [10, с. 55–57]. Прекрасным свидетельством этого служит заметка в

«Аргументах и фактах» о российском чиновнике-аппаратчике Центризберкома Владимире Чурове: «Выборы по-американски – это как гамбургер: выглядит красиво, но котлета внутри искусственная. Но поскольку жалобы на качество отечественных котлет в Центризберкоме отменяются с порога, у нас что не *выборгеры*, так в меню один *чурбургер*». Остается сказать, что базисной основой в обоих случаях является слово *гамбургер*, а вторым компонентом – соответственно нарицательное имя *выборы* и собственное *Чуров*. Но гибридные слова одинаково пишутся со строчной буквы.

Теперь, если бросить взгляд на явившиеся предметом рассмотрения в настоящей статье собственные «игровые имена» в целом, нетрудно заметить, что два названных типа в их пределах противопоставлены совершенно четко и без каких-либо переходных вариантов. Но столь же нетрудно установить, что эти два типа смогут совмещаться в одном и том же случае.

Так, когда знаменитый французский актер Ж. Депардьё решил переехать в Россию, стремясь избежать чрезмерных налогов, в средствах массовой информации появилась статья «Великая французская депардьезация». Само по себе производное слово *депардьезация* со всей очевидностью относится к числу игровых слов первой разновидности первого типа, поскольку в его составе задействован суффикс, оставляющий новообразование в рамках существительного, но изменяющий его разряд, потому и значение его, по сравнению с базисным словом, изменяется и слово *депардьезация* становится средством именованного способа, с помощью которого, по примеру Депардьё, можно избежать налогов. Но это слово внедрено в составной оним «Великая французская революция», где оно заменило слово «революция» и, соответственно, стало вторым компонентом гибрида *Великая французская депардьезация*, который намекает на то, сколь изменились цель и поступки людей.

Второй пример. Взяв за основу фамилию *Кюхельбекер* (товарища А. С. Пушкина), «лицейский мудрец» изобрел название диковинной страны *Бюхелькюкериада* – длинной (Кюхельбекер был высокого роста) полосы земли, ведущей торг «мерзейшими» стихами (стихи Кюхельбекера, прямо скажем, были не блестящими). И снова в производном слове *Бюхелькюкериада* оказались совмещенными два типа «игровых слов»: оно приобрело суффикс (как в первой разновидности первого типа) и оказалось деформированным, как гибридное образование второго типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев Г. Ф. Направления исследований имен собственных в художественных произведениях / Г. Ф. Ковалев // Материалы по русско-славянскому язы-

кознанию. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – С. 279–282.

2. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 331 с.

3. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : Синто, 1993. – 191 с.

4. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Учпедгиз, 1955. – 396 с.

5. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира : (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 574 с.

6. Рылов Ю. А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю. А. Рылов, В. В. Корнева,

В. В. Шеминова, К. В. Лопатина, Е. В. Варнавская. – Воронеж : Изд.- полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 390 с.

7. Хармс Д. Случаи / Д. Хармс. – М. : Эксмо, 2006. – 456 с.

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.

9. Витгенштейн Л. Филологические исследования / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI : Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 79–128.

10. Костюков В. М. Гибридные слова – средство комического / В. М. Костюков // Русская речь, 1987. – Ноябрь/декабрь. – С. 53–57.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Ломов А. М., профессор кафедры речевой коммуникации и журналистики

Тел.: 8(473)275-44-07

Воронежский государственный университет

Бабушкин А. П., профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов

E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

Тел.: 8(473)220-84-41

I. Kant Baltic Federal University

Lomov A. M., Professor of the Speech Communication and Journalism Department

Tel.: 8(473)275-44-07

Voronezh State University

Babushkin A. P., Professor of the English Language for Humanities Department

E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

Tel.: 8(473)220-84-41